

УДК 811.11

Специфическое соотношение транссексуалов в русскоязычных странах

Демедецкая Яэль Александровна

Кандидат физико-математических наук, магистр экономики, директор,
Фонд Трансдегендер;
121615, Российская Федерация, Москва, Рублевское шоссе, 24;
e-mail: info@agingfree.org

Кумченко Сергей Константинович

Ведущий научный сотрудник,
Фонд Трансдегендер;
121615, Российская Федерация, Москва, Рублевское шоссе, 24;
e-mail: info@transgender.team

Аннотация

В этом тексте мы постарались в концентрированном и одновременно несложном для восприятия виде собрать информацию о трансгендерности – начиная с основных определений, затрагивая историко-культурные, медицинские, правовые ракурсы, и заканчивая ситуацией в нашей стране. Даже если вы достаточно знакомы с этой темой, вы наверняка сможете открыть для себя что-то новое. Прежде чем говорить о трансгендерности, стоит начать с гендера как такового. Если «пол» – это совокупность биологических признаков организма, так или иначе связанных с функцией репродукции (то есть размножения), то «гендер» – социальная надстройка над ними. «Мужские» и «женские» традиционные роли, способы поведения, сферы деятельности и связанные со всем этим установки – все это относится именно к гендеру, а не к полу. Отделять гендер от пола стали сравнительно недавно – в 70-х годах прошлого века, когда благодаря феминистским исследованиям стало ясно, что гендерные проявления различаются в разных культурах, разных цивилизациях, а также очень меняются с ходом истории. Таким образом, они не являются следствием какого-то особого «женского» и «мужского» устройства мозга, как считалось ранее, а обусловлены устройством общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Демедецкая Я.А., Кумченко С.К. Специфическое соотношение транссексуалов в русскоязычных странах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 1А. С. 145-155.

Ключевые слова

Транссексуальность, трансгендерность, международные медицинские стандарты, идентичность, ЛГБТ.

Введение

В настоящей работе предпринята попытка отображения культурно-специфического факта численного преобладания FtM- над MtF-транссексуалами в России и странах СНГ.

Транссексуальность (лат. *trans* – «сквозь», лат. *sexualis* – «половой») – состояние мучительных (дисфорических) переживаний по поводу рассогласования морфологически представленного пола и гендерного самоопределения, а также устойчивое желание жить и быть принятым в обществе в качестве лица противоположного пола согласно бинарной гендерной системе (женщина/мужчина), сопровождаемое желанием коррекции половых признаков тела при помощи гормональных и хирургических вмешательств в желаемую сторону [Карагаполова, 2016, 2017].

Транссексуальность является частным случаем трансгендерности, которую также называют гендерной неконформностью [Международные медицинские стандарты помощи трансгендерным людям, 2015; Карагаполова, 2016].

Трансгендерность – зонтичный термин, вбирающий в себя группы людей, чья гендерная идентичность или гендерное самовыражение отличается от пола, указанного при рождении [Usher, 2006; Иванченко, 2009; Altilio et al., 2011; McCrea et al., 2013; Карагаполова, 2016, 2017].

Литературный обзор

Как показывает литература, число таких идентичностей весьма велико [Usher, 2006; Martin, 2015]. Выделяют бинарных трансгендеров (лат. *binarius* – «раздвоенный»), чья гендерная идентичность мужская или женская; и небинарных трансгендеров, чья гендерная идентичность выходит за рамки «мужского» и/или «женского».

В группе бинарных трансгендеров принято рассматривать лиц, отказывающихся от медицинской коррекции половых признаков тела (*non-operation: non-op-FtM-трансгендер, non-op-транс-мужчина; non-op-MtF-трансгендер, non-op-транс-женщина*), а также тех, кто совершает т.н. медицинский переход – транссексуалов. Выделяют *Female-to-Male (FtM)* транссексуалов («из женщины в мужчину»; транс-мужчины) и *Male-to-Female (MtF)* транссексуалов («из мужчины в женщину»; транс-женщины). Лиц-нетрансгендеров принято называть цисгендерами [Usher et al., 2006; McCrea, 2013; Карагаполова, 2016].

До сих пор является открытым вопрос о распространенности трансгендерности и транссексуальности, в частности, [Калинченко, 2006; Матевосян, 2008; Международные медицинские стандарты помощи трансгендерным людям, 2015]. Некоторые считают, что трансгендерами являются до 1% популяции (Gates et al., 2011). Другие из источника в источник перемещают числа 1:30000 (MtF-транссексуалы) и 1:100000 (FtM-транссексуалы), полученные в DSM-IV-TR (2000), однако существуют авторы, заявляющие о гораздо большей распространенности трансгендерности, вплоть до 1:500 по населению США: речь идет о людях, которые переживают свою трансгендерность без обращения к специалистам по данному вопросу (Конвей, 2005).

Материалы и методы

Здесь следует особо подчеркнуть, что разные авторы зачастую говорят о разных явлениях, помещая их в одну «транс-» категорию. Об этой проблеме упоминает также Матевосян (2008). Так, Линн Конвей (2005) пишет именно про трансгендеров во всем многообразии этой группы

людей. Данные, полученные в DSM-IV-TR (2000), отражают число лиц-транссексуалов, которым врачи прописывали гормональную и хирургическую терапию. Отмечают, что кроме лиц-транссексуалов, которым показаны гормональная и хирургическая терапия, существует также группа лиц с синдромом отвергания пола, зачастую, на почве психического заболевания. Авторы пишут о сложностях, связанных с подсчетом соотношения MtF-транссексуалов и FtM-транссексуалов, такими как: зыбкость медицинских критериев транссексуальности, коморбидность с психическими расстройствами, схожесть со смежными явлениями спектра расстройств гендерной идентичности [Пирогов, 2004; Матевосян, 2008]. Немало исследователей трансгендерности подобно вышеописанным придерживаются медикализирующего отношения к данному феномену, что на фоне современного всемирного движения по депатологизации трансгендерности [WRATH, 2010] представляет собой пережиток прошлого, и это следует учитывать в анализе последующих ссылок различных врачей на цифры о распространенности и соотношения трансгендеров и транссексуалов в частности, поскольку подавляющее большинство таких исследований отражает распространенность именно лиц-транссексуалов, имеющих запрос на соответствующие медицинские услуги, не принимая во внимание другие случаи гендерной неконформности.

Несмотря на устарелость данных DSM-IV-TR (2000), столь масштабных исследований распространенности транссексуальности с тех пор не проводилось, и основывающееся на этих данных общепризнанное мировое соотношение MtF-транссексуалов к FtM-транссексуалам представляет собой 3:1 [Бухановский, 1994; Калинин, 2006]. Сингапур, одна из стран с наибольшим числом высококвалифицированных специалистов по различным медицинским вопросам транссексуальности, также располагает именно таким соотношением (Tsoi, 1988). Аналогичное соотношение наблюдается в Нидерландах (van Kesteren, 1996). На протяжении с 1968 по 1996 год в различных странах Европы (Швеция, Англия, Ирландия) в среднем также отмечается соотношение MtF-транссексуалов к FtM-транссексуалам как 3:1, в других регионах (Германия, Австралия, США) наблюдается другое общее преобладание транс-женщин над транс-мужчинами (Матевосян, 2008).

Что касается трансгендерных выборок современных зарубежных исследований, то в ряде из них присутствует либо значительное преобладание MtF над FtM [White Hughto et al., 2016; Auer et al., 2017], либо состав выборки исключительно из транс-женщин [Ainsworth et al. 2010; Hancock, 2011; Yang et al., 2016; Dacakis et al., 2017; Papadopoulos, 2017], что другие специалисты называют «проблемой невидимости FtM-трансгендеров» [Карагаполова, 2016]. Например, разработчики известного за рубежом опросника оценки своего голоса для транссексуалов (Transsexual Voice Questionnaire – TVQMtF) Dacakis et al. (2017) свою последнюю модификацию ограничили вопросами только для MtF-выборки. Известная «Шкала Гарри Бенджамина» [Benjamin, 1966] относится только к MtF-транссексуалам по причине того, что главный популяризатор феномена транссексуальности из США крайне мало имел дел с транс-мужчинами, и даже вывел следующее соотношение MtF- к FtM-транссексуалам: 8:1.

Между тем, кардинально отличающееся от общемирового соотношение имеется в Польше, где транс-мужчины численно преобладают над транс-женщинами в соотношении 5:1 (Sipova et al., 1983) или 5,5:1 (Godlewski, 1988). Современных данных о таком соотношении не имеется.

Преобладание FtM-транссексуалов над MtF-транссексуалами в 90-е и 00-е года прошлого века наблюдалось также в России. В период с 1990 по 1995 года в Московских НИИ психиатрии было обследовано 102 транссексуальных пациента, из которых 70 человек были FtM, а 32 – MtF, что отражает соотношение 2,2:1 [Василенко, 1995]. Бухановский А.О. (1994) располагает иным

соотношением с преобладанием транс-мужчин: 4,1:1. Бец Л.В. (2000) обнаруживает соотношение 1,9:1. По данным Калинин С.Ю. (2006) в России на один случай MtF-транссексуала приходится три FtM-транссексуала. Матевосян С.Н. (2008), задавшись вопросом о распространенности расстройств половой идентичности в России, во-первых, разотождествляет понятия «транссексуализма» и «нарушений половой идентичности», а во-вторых, демонстрирует отечественное соотношение FtM-транссексуалов к MtF-транссексуалам в виде 1,3:1.

Результаты и обсуждение

Особо выделяемый нами факт культурной специфики России в виде численного преобладания транс-мужчин над транс-женщинами демонстрируют немногочисленные русскоязычные исследования феномена трансгендерности и транссексуальности [Белкин, 2000; Иванченко, 2009; «Выход», 2013; «Alma-TQ», 2015; Симакова и др., 2015; Соколова, 2015; «Т9 NSK», 2016; Городецкая и др., 2016; Исаев, 2016]. Так, в социологической работе о социально-экономическом положении транс-людей на постсоветском пространстве приняли участие 394 трансгендера из России и из 10-ти стран-СНГ (Городецкая и др., 2016). Среди респондентов мужской свою гендерную идентичность назвали 50%, а женской – 16% (остальные указали небинарные идентичности, либо воздержались от ответа), и, таким образом, на столь обширной русскоязычной выборке мы видим почти 3:1 соотношение транс-мужчин к транс-женщинам.

Другое социологическое исследование, демонстрирующее похожее соотношение, было выполнено в 2013-м году ЛГБТ-организацией «Выход» (Санкт-Петербург). Авторы, предпринявшие обрисовку картины дискриминаций транс-людей в России, обратились к 408-ми респондентам, идентифицирующих себя трансгендерами, из которых 41% называли себя «FtM-транссексуалами» и 15% «MtF-транссексуалками» (остальные отобрали различные небинарные самоопределения), что также соотносится почти как 3:1 (точнее – 2,7:1).

Третье социологическое исследование, выполненное инициативной транс-группой Сибири «Т9 NSK», демонстрирует не просто повсеместную представленность трансгендерных представителей (N = 98) в сибирской части России (Томская область, республика Хакасия, республика Тыва, республика Бурятия, республика Алтай, Омская область, Новосибирская область, Красноярский край, Кемеровская область, Иркутская область, Забайкальский край), но и уже указанное нами преобладание FtM-трансгендеров (40%) над MtF (22%). Здесь мы видим соотношение 2:1, но отметим большой процент (38%) респондентов, указавших себя, как «гендерквир», часть из которых, возможно, прибегает к такому самоопределению по причине малой доступности медицинских услуг для трансгендеров в Сибири, о чем указанная работа нам также сообщает.

Соотношение 2:1 с преобладанием FtM-трансгендеров обнаруживает также Иванченко (2009) в украинской выборке из 36-ти человек.

Выполненное инициативной группой «Alma-TQ» исследование-мониторинг дискриминаций трансгендеров в Казахстане обнаружило, во-первых, наличие хотя бы одного трансгендера в различных городах страны-содружества (Алматы, Астана, Караганда, Петропавловск, т.д.); во-вторых, преобладание в выборке (N = 41) транс-мужчин в соотношении 1,5:1. Между тем, авторы предупреждают, что многие респонденты путались в идентификационной терминологии, например, одна транс-женщина выбрала ответ о себе: «Я транс-мужчина гомосексуал».

Некоторые русскоязычные исследователи трансгендерности (Пирогов, 2004; Симакова и др., 2015; Соколова, 2015; Исаев, 2016) при формировании выборки не обращались к транс-женщинам вовсе, ограничиваясь исключительно FtM-респондентами ввиду их большей распространенности в России и странах СНГ.

Наши собственные исследования (Демедецкая, Кумченко, 2016; Кумченко, 2017) располагают выборкой, в которой FtM-транссексуалы явно преобладают, притом, в указанном соотношении (3:1).

Интересно отметить, что одна из первых в мире хирургических операций по коррекции половых признаков тела в случае «из женщины в мужчину» (FtM) произошла в 70-е годы именно в СССР и известна как «случай Инны-Иннокентия» [Калнберз, 2013].

Для подтверждения вышеобозначенной специфики феномена транссексуальности в России мы призвали к независимому исследованию 100 лиц-трансгендеров, проживающих в России, различных гендерных идентичностей, возрастов, степени медицинского перехода.

Исследуемые были объединены в следующие группы:

MtF-транссексуалы – 35 человек (16-52 года; средний возраст – 29 лет);

FtM-транссексуалы – 65 ч. (15-41 год; ср. в. – 23 года).

Каждая из этих групп была разделена еще на три подгруппы в соответствии с проделанным медицинским переходом:

MtF-транссексуалы без гормональной терапии (ГТ) и хирургической терапии (ХТ) – 7 ч. (16-33 года; ср. в. – 22 года);

MtF-транссексуалы на ГТ, без ХТ – 11 ч. (17-41 год; ср. в. – 26 лет);

MtF-транссексуалы на ГТ и с ХТ – 17 ч. (22-52 года; ср. в. – 34 года);

FtM-транссексуалы без ГТ и ХТ – 33 ч. (15-41 год; ср. в. – 19 лет);

FtM-транссексуалы на ГТ, без ХТ – 15 ч. (17-35 лет; ср. в. – 23 года);

FtM-транссексуалы на ГТ и с ХТ – 17 ч. (21-40 лет; ср. в. – 30 лет).

Три подгруппы на основании глубины медицинского перехода мы обозначили также следующим образом:

I – без ГТ и без ХТ;

II – на ГТ, без ХТ;

III – на ГТ, с ХТ.

Анализ шести подгрупп сообщает несколько статистических фактов о нашей выборке. *Во-первых*, FtM-транссексуалы количественно преобладают над MtF-транссексуалами в примерном соотношении 2:1. Примечательно выравнивание этого соотношения в ходе углубления медицинского перехода. Если соотношение в I-й подгруппе – 5:1, во II-й подгруппе – 1,4:1, то в III-й подгруппе – 1:1. Указанные соотношения демонстрируют, с одной стороны, уже указанный нами культурно-специфический для России факт о преобладании FtM-транссексуалов над MtF-транссексуалами; с другой стороны, мы видим, что «задерживаться» на стадии до-медицинского перехода склонны FtM-транссексуалы (33% всей выборки), из чего может вытекать также специфический для России феномен гендерквир-идентичности, большая часть обладателей которой морфологически являются представителями женского пола. Кроме того, большей частью это достаточно молодые люди. Между тем, все вышесказанное может также означать финансовую недоступность гормональных препаратов в этом возрасте и в нашей стране.

Во-вторых, представленные MtF-транссексуалы в среднем старше FtM-транссексуалов. Возможно, это означает относительно позднее понимание необходимости медицинских

изменений в случае транс-женщин. Демедецкая и др. (2017) также обнаруживают, что транс-женщины, в среднем, старше транс-мужчин в собираемых выборках, и возрастной фактор специфики трансгендеров России еще предстоит оценить в последующих работах.

В общем виде, количественное превалирование транс-мужчин над транс-женщинами (5:1) достигается за счет обильного числа FtM-представителей, не желающих или не имеющих возможности идти на медицинский переход. На этапе медицинского перехода транс-мужчины и транс-женщины начинают соотноситься друг к другу вначале с небольшим преобладанием первых (1,4:1), а затем в равном количестве (1:1).

Интересно вспомнить данные Матевосяна (2008) по этому поводу, который выделяет похожее соотношение приступающих к медицинскому переходу транссексуальных мужчин к транссексуальным женщинам: 1,3:1.

Заключение

Таким образом, очевидна специфика феномена трансгендерности в России в статистико-соотносительном аспекте. В ходе литературного обзора по проблеме транссексуальности мы обнаружили, что среди транссексуальных людей в мире, в общем, наблюдается преобладание MtF- над FtM-транссексуалами в среднем соотношении 3:1. Между тем, Польша, Россия и страны СНГ располагают ровно обратным средним соотношением с количественным превалированием FtM-транссексуалов. Эмпирическое уточнение данного вопроса показывает, что таковое превалирование снижается с ходом медицинского перехода по коррекции половых признаков тела: так, на этапе гормональной терапии транс-мужчин больше транс-женщин в 1,4 раз; к этапу хирургической терапии транс-мужчин становится столько же, сколько и транс-женщин (1:1). Обширное число FtM-трансгендеров в России может достигаться за счет гендерквир-представителей, а именно FtQ-трансгендеров (Female-to-Queer-transgender), находящихся либо на пороге предстоящих медицинских вмешательств (pre-op-transgender), либо отказывающихся от них (non-op-transgender). Как бы то ни было, приписанный при рождении женский пол указанной группы лиц говорит о более частой встречаемости трансгендерных переживаний у морфологических женщин России, чем у мужчин, в чем и заключается специфически русская особенность трансгендерности.

О чем может говорить такое культурно-специфическое для России и стран СНГ количественное преобладание FtM-транссексуалов над MtF-транссексуалами? Затрагивая основы человеческой природы и личности – пол и гендер, феномен трансгендерности и транссексуальности в российской ипостаси может также частично отражать всю ту сложность русского характера и менталитета, о которой писали русские и зарубежные философы на протяжении всего XX века. Этот характер запечатлен и в русском языке с его жесткими гендерными различиями; и в неоднозначном образе русской женщины («гендером» которой обладает и название нашей страны), архетипически уходящем в глубины культуры и истории России; и в особом влечении к внешне патриархальному укладу общества на фоне глубинно матриархального положения дел и вытекающими из этого особенностями положения мужчин и женщин в славяноязычных странах.

Как бы то ни было, специфика, обнаруженная нами, нуждается во всестороннем освещении рядом специалистов из разных областей по причине отражения уникальности российской культуры.

Библиография

1. Белкин А. Третий пол. Судьбы пасынков Природы. М.: Олимп, 2000. 432 с.
2. Бец Л.В. Антропологические аспекты изучения гормонального статуса человека: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2000. 25 с.
3. Бухановский А.О. Транссексуализм: клиника, систематика, дифференциальная диагностика, психосоциальная реадaptация и реабилитация: автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1994. 20 с.
4. Василенко Л.М. Психические нарушения у лиц с транссексуализмом, принципы лечения и реабилитации: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1995. 20 с.
5. Выход. Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации: жизнь транс*людей в России. СПб.: Выход, 2013. 44 с.
6. Городецкая О., Ковалисиди С. Актуальное социо-экономическое положение трансгендерных и квир людей на постсоветском пространстве. Киев: AdamanT*, 2016. 39 с.
7. Демедецкая Я.А., Денисов Б.П., Княгинина И.К., Сакевич В.И. Трудности формирования семей трансгендерами (на материале выборочного исследования) // Успехи современной науки. 2017. Т.9 №4. С. 218-224.
8. Демедецкая Я.А. Качество жизни в социальной среде в аспекте формирования развития для трансгендерного сообщества // Успехи современной науки. 2016. Т. 5. № 12. С. 97-103.
9. Демедецкая Я.А., Кумченко Р.С. Исследование самооценки и качества жизни у лиц с различными трансгендерными идентичностями // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. №11. Ч. 2. 21-26 с.
10. Иванченко С.Н. Трансгендерность, гендерная идентичность и гендерные стереотипы // Психологические исследования. 2009. № 6(8). С. 3.
11. Исаев Д.Д. Деконструкция гетеронормативной матрицы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №1. С. 9-26.
12. Калинин С.Ю. Транссексуализм. Возможности гормональной терапии. М.: Практическая Медицина, 2006. 192 с.
13. Калнберз В.К. Мое время. Рига: Medicīnas apgāds, cop., 2013. 539 с.
14. Карагаполова И.В. Мастерская «Многообразии идентичностей. Многообразие сексуальностей. Межполовые вариации», лето. 2016.
15. Карагаполова И.В. Трансгендерность в современной психологии сексуальности // Очерки современной психологии сексуальности. Ridero 2017. 168 с.
16. Кумченко С.К. Структура самооценки при различных трансгендерных идентичностях (стенд) // XXIV международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017». Секция «Психология». Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 10-14 апреля 2017.
17. Матевосян С.Н. Расстройства половой идентичности: история изучения проблемы и распространенность в РФ // Российский психиатрический журнал. 2008. №3. С. 65-71.
18. Международные медицинские стандарты помощи трансгендерным людям. СПб.: Действие, 2015. 200 с.
19. Пирогов Д.Г. Нарушения половой идентичности у молодых женщин: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2004. 20 с.
20. Симакова Л.С., Савина Н.Н. Личностные особенности FtM-трансгендеров // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 3. С. 69-93.
21. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
22. Ainsworth T., Spiege J. Quality of life of individuals with and without facial feminization surgery or gender reassignment surgery // Quality of Life Research. 2010. Volume 19. Issue 7.
23. Alma-TQ. Discrimination and violence against transgender people in Kazakhstan. Kazakhstan, 2015.
24. Altilio T., Otis-Green S. Oxford Textbook of Palliative Social Work. Oxford, 2011.
25. Auer M., Liedl A., Fuss J., Nieder T., Briken P., Stalla G., Hildebrandt T., Biedermann S., Sievers C. High impact of sleeping problems on quality of life in transgender individuals: A cross-sectional multicenter study // PLoS One. 2017 Feb 15;12(2):e0171640.
26. Benjamin H. The transsexual phenomenon. New York: Ace Pub. Co; First Edition edition, 1966. P. 296.
27. Dacakis G., Oates J., Douglas J. Associations between the Transsexual Voice Questionnaire (TVQMtF) and self-report of voice femininity and acoustic voice measures // Int J Lang Commun Disord. 2017 Apr 19. doi: 10.1111/1460-6984.
28. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th Edition (DSM-IV-TR). American Psychiatric Association, 2000.

29. Gates J., Distinguished W. How many people are lesbian, gay, bisexual, and transgender? // The Williams Institute. April 2011.
30. Godlewski J., Transsexualism and anatomic sex ratio reversal in Poland // Archives of Sexual Behavior. 1988. Volume 17. P. 547-548.
31. Hancock A., Krissinger J., Owen K. Voice perceptions and quality of life of transgender people // J Voice. 2011. № 25(5). P. 553.
32. van Kesteren P.J. et al. An epidemiological and demographic study of transsexuals in The Netherlands // Arch Sex Behav. 1996. Dec; 25(6). P. 589-600.
33. Martin K. New words notes June 2015. Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 2015.
34. McCrea A. Under the Transgender Umbrella: Improving ENDA's Protections // Georgetown Journal of Gender and the Law. 2013.
35. Papadopoulos N., Lellé J., Zavlin D., Herschbach P., Henrich G., Kovacs L., Ehrenberger B., Kluger A., Machens H., Schaff J. Quality of Life and Patient Satisfaction Following Male-to-Female Sex Reassignment Surgery // J Sex Med. 2017 Mar 30. pii: S1743-6095(17)30122-4.
36. Sipova, I., Brzek, A. Parental and interpersonal relationships of transsexual and masculine and feminine homosexual men // Homosexuals and Social Roles. NY: Haworth, 1983. P. 75-85.
37. Т9 NSK. Сервисный проект для трансгендерных людей и их близких. Отчет о мониторинге актуального положения и потребностей трансгендерных людей в Сибири. Сибирь, 2016. 28 с.
38. Tsoi W.F. The prevalence of transsexualism in Singapore // Acta Psychiatr Scand. 1988. Oct; 78(4). P. 501-4.
39. Usher R. North American Lexicon of Transgender Terms. GLB Publishers, 2006. P. 64.
40. White Hughto J., Reisner S. A Systematic Review of the Effects of Hormone Therapy on Psychological Functioning and Quality of Life in Transgender Individuals // Transgend Health. 2016. Jan 1(1). P. 21-31.
41. WPATH De-Psycho-pathologisation Statement. May 26, 2010.
42. WPATH Reaction to DSM-V Criteria for Gender Incongruence. May 25, 2010.
43. Yang X., Zhao L., Wang L., Hao C., et al. Quality of Life of Transgender Women From China and Associated Factors: A Cross-Sectional Study // The Journal of Sexual Medicine. 2016. Volume 13. Issue 6.

The specific ratio of transsexuals in Russian-speaking countries

Yael' A. Demedetskaya

Candidate of physical and mathematical Sciences, master of Economics, Director,
Transgender Fund;
121615, 24 Rublevskoe highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@agingfree.org

Sergei K. Kumchenko

Leading researcher,
Transgender Fund;
121615, 24 Rublevskoe highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@transgender.team

Abstract

In this text, we tried to collect information about transgenerity in a concentrated and at the same time uncomplicated way: beginning with the basic definitions, touching the historical, cultural, medical, legal perspectives, and ending with the situation in our country. Even if you are sufficiently familiar with this topic, you probably will be able to discover something new. Before talking about

transgenderity, it is worth starting with gender as such. If "sex" is a set of biological signs of an organism that are somehow connected with the function of reproduction, then "gender" is a social superstructure over them. "Male" and "female" traditional roles, behaviors, spheres of activity and related attitudes; all this applies specifically to gender, not to sex. Separating gender from gender began relatively recent, in the 70s of the last century, when thanks to feminist studies it became clear that gender manifestations differ in different cultures, different civilizations, and also vary greatly with the course of history. Thus, they are not the result of some special "female" and "male" brain structure, as was previously thought, but are conditioned by the organization of society. The specifics that we discovered need to be fully covered by a number of specialists from different areas, because of the reflection of the uniqueness of Russian culture.

For citation

Demedetskaya Ya.A., Kumchenko S.K. (2018) Spetsificheskoe sootnoshenie transseksualov v russkoyazychnykh stranakh [The specific ratio of transsexuals in Russian-speaking countries]. *Psikhologiya. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (1A), pp. 145-155.

Keywords

Transsexuality, transgender, an international medical standards, identity, LGBT.

References

1. Ainsworth T., Spiege J. (2010) Quality of life of individuals with and without facial feminization surgery or gender reassignment surgery. *Quality of Life Research*, 19, 7.
2. (2015) *Alma-TQ. Discrimination and violence against transgender people in Kazakhstan*. Kazakhstan.
3. Altilio T., Otis-Green S. (2011) *Oxford Textbook of Palliative Social Work*. Oxford.
4. Auer M., Liedl A., Fuss J., Nieder T., Briken P., Stalla G., Hildebrandt T., Biedermann S., Sievers C. (2017) High impact of sleeping problems on quality of life in transgender individuals: A cross-sectional multicenter study. *PLoS One*. Feb 15;12(2):e0171640.
5. Belkin A. (2000) *Tretii pol. Sud'by pasynkov Prirody* [The third sex. The destiny of the stepchildren of Nature]. Moscow: Olimp Publ.
6. Benjamin H. (1966) *The transsexual phenomenon*. New York: Ace Pub. Co.
7. Bets L.V. (2000) *Antropologicheskie aspekty izucheniya gormonal'nogo statusa cheloveka. Doct. Dis.* [Anthropological aspects of the study of human hormonal status. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Bukhanovskii A.O. (1994) *Transseksualizm: klinika, sistematika, differentsial'naya diagnostika, psikhosotsial'naya readaptatsiya i reabilitatsiya. Doct. Dis.* [Transsexuality: clinic, systematics, differential diagnostics, psychosocial readaptation and rehabilitation]. Moscow.
9. Dacakis G., Oates J., Douglas J. (2017) Associations between the Transsexual Voice Questionnaire (TVQMtF) and self-report of voice femininity and acoustic voice measures. *Int J Lang Commun Disord*. Apr 19. doi: 10.1111/1460-6984.
10. Demedetskaya Ya.A., Denisov B.P., Knyaginina I.K., Sakevich V.I. (2017) Trudnosti formirovaniya semei transgenderami (na materiale vyborochnogo issledovaniya) [Difficulties in the formation of families by transgender people (on the basis of selective research)]. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Advances in modern science], 9, 4, pp. 218-224.
11. Demedetskaya Ya.A. (2016) Kachestvo zhizni v sotsial'noi srede v aspekte formirovaniya razvitiya dlya transgender'nogo soobshchestva [Quality of life in the social environment in the aspect of development for the transgender community]. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Advances in modern science], 5, 12, pp. 97-103.
12. Demedetskaya Ya.A., Kumchenko R.S. (2016) Issledovanie samoosenki i kachestva zhizni u lits s razlichnymi transgender'nymi identichnostyami [Research of self-esteem and quality of life in persons with different transgender identities]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 11, 2, pp. 21-26 s.

13. (2000) *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th Edition (DSM-IV-TR)*. American Psychiatric Association.
14. Gates J., Distinguished W. (2011) *How many people are lesbian, gay, bisexual, and transgender?* The Williams Institute.
15. Godlewski J. (1988) Transsexualism and anatomic sex ratio reversal in Poland *Archives of Sexual Behavior*, 17, pp. 547-548.
16. Gorodetskaya O., Kovalisidi S. (2016) *Aktual'noe sotsio-ekonomicheskoe polozhenie transgendernykh i kvir lyudei na postsovet'skom prostranstve* [Actual socio-economic situation of transgender people and queers of people in the post-Soviet space]. Kiev: AdamanT* Publ.
17. Hancock A., Krissing J., Owen K. (2011) Voice perceptions and quality of life of transgender people. *J Voice*, 25(5), p. 553.
18. Isaev D.D. (2016) Dekonstruksiya geteronormativnoi matritsy [Deconstruction of the heteronormative matrix]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economic], 13, 1, pp. 9-26.
19. Ivanchenko S.N. (2009) Transgendernost', gendernaya identichnost' i gendernye stereotipy [Transgender, gender identity and gender stereotypes]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 6(8), pp. 3.
20. Kalinchenko S.Yu. (2006) *Transseksualizm. Vozmozhnosti gormonal'noi terapii* [Transsexualism. Possibilities of hormonal therapy]. Moscow: Prakticheskaya Meditsina Publ.
21. Kalnberz V.K. (2013) *Moe vremya* [My era]. Riga: Medicīnas apgāds, cop. Publ.
22. Karagapolova I.V. (2016) *Masterskaya «Mnogoobrazie identichnostei. Mnogoobrazie seksual'nostei. Mezhpolyve variatsii»* [Workshop "The diversity of identities. Variety of sexuality. Inter-sex variation"].
23. Karagapolova I.V. (2017) Transgendernost' v sovremennoi psikhologii seksual'nosti [Transgender in modern psychology of sexuality]. *Ocherki sovremennoi psikhologii seksual'nosti* [Sketches of modern psychology of sexuality]. Ridero.
24. van Kesteren P.J. et al. (1996) An epidemiological and demographic study of transsexuals in The Netherlands. *Arch Sex Behav*, 6, pp. 589-600.
25. Kumchenko S.K. (2017) Struktura samootsenki pri razlichnykh transgendernykh identichnostyakh (stend) [Structure of self-evaluation under various transgender identities (stand)]. In: *XXIV mezhdunarodnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov-2017". Sektsiya "Psikhologiya". Fakul'tet psikhologii MGU imeni M.V. Lomonosova, Rossiya, 10-14 aprelya 2017* [XXIV international conference of students, graduate students and young scientists "Lomonosov-2017". Section "Psychology". Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov, Russia, April 10-14].
26. Martin K. (2015) *New words notes June 2015. Oxford English Dictionary*. Oxford University Press.
27. Matevosyan S.N. (2008) Rasstroistva polovoi identichnosti: istoriya izucheniya problemy i rasprostranennost' v RF [Disorders of sexual identity: a history of the study of the problem and prevalence in the Russian Federation]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [The Russian Psychiatric Journal], 3, pp. 65-71.
28. (2015) *Mezhdunarodnye meditsinskie standarty pomoshchi transgendernym lyudyam* [International medical standards for assistance to transgender people]. St. Petersburg.: Deistvie Publ.
29. McCrea A. (2013) Under the Transgender Umbrella: Improving ENDA's Protections. *Georgetown Journal of Gender and the Law*.
30. Papadopulos N., Lellé J., Zavlin D., Herschbach P., Henrich G., Kovacs L., Ehrenberger B., Kluger A., Machens H., Schaff J. (2017) Quality of Life and Patient Satisfaction Following Male-to-Female Sex Reassignment Surgery. *J Sex Med*. Mar 30. pii: S1743-6095(17)30122-4.
31. Pirogov D.G. (2004) *Narusheniya polovoi identichnosti u molodykh zhenshchin. Doct. Dis.* [Violations of gender identity in young women. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
32. Simakova L.S., Savina N.N. (2015) Lichnostnye osobennosti FtM-transgenderov [Personal features of FtM-transgenders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 3, pp. 69-93.
33. Sipova, I., Brzek, A. (1983) Parental and interpersonal relationships of transsexual and masculine and feminine homosexual men. In: *Homosexuals and Social Roles*. NY: Haworth.
34. Sokolova E.T. (2015) *Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya* [Clinical psychology of self-loss]. Moscow: Smysl Publ.
35. (2016) T9 NSK. *Servisnyi proekt dlya transgendernykh lyudei i ikh blizkikh. Otchet o monitoringe aktual'nogo polozheniya i potrebnosti transgendernykh lyudei v Sibiri* [T9 NSK. A service project for transgender people and their loved ones. Report on monitoring the actual situation and needs of transgender people in Siberia]. Siberia.
36. Tsoi W.F. (1988) The prevalence of transsexualism in Singapore. *Acta Psychiatr Scand*, 78(4), pp. 501-4.

-
37. Usher R. (2006) *North American Lexicon of Transgender Terms*. GLB Publishers.
 38. Vasilenko L.M. (1995) *Psikhicheskie narusheniya u lits s transseksualizmom, printsipy lecheniya i reabilitatsii. Doct. Dis.* [Mental disorders in persons with transsexualism, the principles of treatment and rehabilitation. Doct. Dis.]. Moscow.
 39. (2013) Vychod. Gendernaya identichnost' v epitsentre diskriminatsii: zhizn' trans*lyudei v Rossii [The way out. Gender identity in the epicenter of discrimination: the life of trans people in Russia]. St. Petersburg: Vychod Publ.
 40. White Hughto J., Reisner S. (2016) A Systematic Review of the Effects of Hormone Therapy on Psychological Functioning and Quality of Life in Transgender Individuals. *Transgend Health*, 1(1), pp. 21-31.
 41. (2010) *WPATH De-Psycho-pathologisation Statement*.
 42. (2010) *WPATH Reaction to DSM-V Criteria for Gender Incongruence*.
 43. Yang X., Zhao L., Wang L., Hao C., et al. (2016) Quality of Life of Transgender Women From China and Associated Factors: A Cross-Sectional Study. *The Journal of Sexual Medicine*, 13, 6.